

Флейта среди замолкших ударных

Микаела Таривердиева трудно застать в Москве. Широко известный автор песен и камерных произведений, он проводит в поездках едва ли не большую часть года. Он заседает в различных жюри, участвует в симпозиумах и музыкальных конкурсах, контролирует работу по пропаганде советской музыки, выезжает за рубеж, где тоже представляет свои излюбленные жанры: песню и камерную музыку. Общественных обязанностей его не счесть. Да и как может быть иначе. Судите сами: он обладатель 18 международных премий, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Ленинского комсомола, заслуженный деятель искусств, секретарь Союза композиторов СССР.

У Микаела Леоновича есть одно поистине бесценное качество, весьма помогающее ему в работе: он строг, чрезвычайно строг в подходе к музыке, он обладает безошибочным и требовательным вкусом, а это — критерий надежный. В разговоре с ним я все время ощущала эту строгость и высокую заинтересованность в том, какой она будет, музыка, рождающаяся в наше время. Эта безупречность оценок, этот чекан определений подкупали меня. Мы вели разговор в секретариате Союза композиторов РСФСР, и, нервно куря сигарету за сигаретой, Таривердиев озабоченно и темпераментно говорил о музыке, особенно о музыке для молодых, о качестве музыкальной продукции.

— Странные сегодня происходят вещи. Огромный, разросшийся аппарат музыкальных поставщиков — телевидение, радио, грамзапись, магнитофоны, необъятные концертные залы, дискотеки требуют все новых и новых песен, шлягеров, песен, мюзиклов и т. д. И вдруг становится ясно, что из этого рога изобилия льется много средней музыки, а то и вовсе безнадежно плохой. Ко-

нечно, и до эпохи теле и диско всегда писалось много ерунды. Но все плохое ожидалось тогда в естественных фильтрах каждого народа. И время оставляло все лучшее. Сегодня же тиражируется все — и прекрасное и ерунда. Часто даже прекрасное тонет в ворохе ерунды. Сегодня мы еще не нашли эквивалента народному фильму. Музыка резко разделилась на музыку массовой культуры и фундаментальную музыку. У них разная публика, и, что самое тревожное, аудитории эти перестали смыкаться. Поэтому сегодня те, у кого по-настоящему болит душа, должны заниматься проблемами просветительства. Seriously надо заняться проблемой сближения этих аудиторий. Музыка должна служить людям, а не только обслуживать их, как это сегодня все чаще и чаще происходит на телевидении, где потребительская музыка зачастую идет как фон и не требует особого внимания. Музыка же фундаментальная требует остановки, сосредоточения, проникновения. Как секретарь Союза композиторов СССР по пропаганде советской музыки я особенно озабочен этим вопросом. Поэтому и говорю об этом.

Музыку нельзя сводить к коммерческому производству, музыка — это идеология. Мы сегодня прокладываем пути развития музыки, музыки будущего. Поэтому нам не безразлично, что будет слушать ее. Бернстайн в США пошел читать музыкальные лекции на телевидение. Это мощная трибуна, и лучшая пропаганда, конечно, должна занять ключевые позиции.

Мне иногда кажется, что неплохо бы возродить традиции Маяковского — ездить по стране, самолично выступать с концертами и лекциями. Позволю себе подкрепить эту мысль вот каким примером. Скажем, если в средней школе вдруг перестать преподавать литерату-

ру, оставить из предметов только физику, химию и т. д. Тогда ребенок только случайно может узнать, что были на свете Пушкин, Чехов. Это было бы ужасно. А почему же в музыке позволено такое положение вещей? Почему нужно лишь случайно за стенами школы узнавать, что есть музыка Бетховена, Шопена, Рахманинова!

Молодые думают, что увлекаются настоящей музыкой, увлекаясь музыкой диско. Увы, это только малая часть музыкальной культуры и далеко не лучшая. А если бы с первого класса школы ввести уроки музыкальной эстетики, тогда дело пропаганды настоящей музыки дало бы результат.

Я бы сказал, что это проблема государственного значения. Недавно я был в Японии и США. Там наблюдаются те же проблемы. Но решать их у нас легче, чем в странах капитала. Так почему же мы их не решаем?

Прогресс в искусстве идет скорее всего в новых видах искусства. Телевидение было когда-то наивным. Сегодня, как и кино оно решает сложные задачи. Но основную свою форму оно еще только ищет. Если найдет ее, станет вровень с большим искусством. И это будет чистая телеформа, другим видам искусства не дающаяся. Мне кажется, успех ждет теле именно в обращении к личности. Телеэкран, знаете ли, весьма нелицеприятно обнажает возможности человека. Самым непостижимым образом вытаскивает из человека его суть. Становится сразу видно, умный это человек или нет. Иной говорит гладко, но видно, что не умеет, другой — косноязычен, но видно, что личность недюжинная. Вот и выходит, что телеэкран будет принадлежать личности и только ей. Особенно с увеличением своих размеров. Увы, музыка в многосерийных телефильмах, надо это признать, неизбежно обре-

на на успех, ведь из вечера в вечер вдалбливаясь, она застревает в сознании. При чем, всякая — и хорошая, и плохая. Вот что опасно. А сколько хорошей, великой музыки прошлого остается неосвоенной! Мы еще не умеем обращаться с тем, что нам дали гении.

Чувствую себя армянином до мозга костей, говорит далее Микаел Леонович. Но дело не в интонациях. Национация определяется общей культурой, а ее я впитал от матери и отца, выходцев из Нагорного Карабаха, из Шуши. Я убежден, что, если бы я не был армянином, я писал бы свою музыку совсем иначе. Совсем иначе сказывался бы темперамент. Для меня, например, ясно, что Вильям Сароян армянский писатель. Принадлежность к территории Америки еще ни о чем не говорит. Видна восточная культура, восточная рука. Сегодня, в век НТР, много взаимообогащения во всех сферах искусства.

Самая любимая моя музыка — камерная. Сейчас я написал новую оперу «Граф Калиостро» по Алексею Толстому. Это камерная музыка. Написал и балет «Девушка и смерть» по Горькому. Готов и скрипичный концерт в трех частях, романсы и песни. Все камерное.

В такую мощную эпоху, как наша, особенно важен голос, который бы говорил с каждым человеком в отдельности. Вот в чем секрет популярности камерной музыки в наше время. Век сверхзвуковых скоростей. Но так иногда приятно пройтись пешком и постоять на опушке леса, прислушиваясь к голосу собственного сердца...

Голос сердца! Это и есть камерная музыка. Флейта среди замолкших ударных.

Запись велa Н. СААКЯН, спец. корр. «Комсомолец». г. Москва.